

Безродный, Михаил: Опыт комментария к «Пиковой даме». Frankfurt a. M.: Esterum Publishing / Санкт-Петербург: Чистый лист, 2023. 400 с. ISBN: 978-3-910894-02-0.

Выдающийся филолог и писатель *für Wenige* Михаил Безродный умер 18 ноября 2023 года в Гейдельберге после длительной и тяжелой болезни. Незадолго до смерти ему прислали из издательства макет его «Опыта комментария к „Пиковой даме“», и он успел увидеть свою главную книгу, которой, я уверен, суждена долгая счастливая жизнь.

Книга Безродного, посвященная памяти его учителя Ю.М. Лотмана («Юрмиха»), приближается к идеалу тотального или всеобъемлющего комментария, о котором в связи с «Евгением Онегиным» мечтал А. П. Чудаков и размышлял М. Л. Гаспаров, хотя сам он, насколько мне известно, стремился не к утопической тотальности, а к самоограничению. Небольшой объем повести и огромный объем знаний комментатора позволил ему предложить четкие, лаконичные объяснения почти каждому предложению текста. Всеобъемлющий комментарий, постулировал Гаспаров, «нужен хотя бы для того, чтоб подвести итоги всему сделанному» ранее (Гаспаров 2004: 70). В этом смысле «Пиковая дама» ставит перед комментатором весьма обременительную задачу, ибо ей посвящено несоразмерно большое количество работ. Только в список изданий, цитируемых Безродным в книге, включено более ста двадцати статей и монографий на четырех языках¹, хотя всевозможные работы чисто интерпретационного или компилятивного характера, даже хорошие, но бесполезные для комментария, в него не вошли. Автор никогда не забывает сослаться на своих предшественников и, если какие-то наблюдения и формулировки кажутся ему бесспорными, просто вводит цитаты в свой текст с соответствующими сносками и иногда с дополнениями. Это дает возможность легко определить, в

---

1 Отмечу лишь одно упущение — в списке нет полезных примечаний Е. А. Тоддеса к переизданию основополагающих работ В. В. Виноградова о «Пиковой даме» (Виноградов 1980: 343–351; 357–358).

каких местах комментариев носит оригинальный характер, и таких мест обнаруживается очень много.

Согласно М. Л. Гаспарову, всеобъемлющий комментарий должен состоять из трех частей:

Во-первых, комментарий, сосредоточенный на внетекстовом фоне, на быте и идеях освещаемой эпохи. Во-вторых, сосредоточенный на литературном фоне, на интертекстуальных переключках автора с предшественниками и современниками [...]. В-третьих — сосредоточенный на языковом фоне, на языке и стиле, тоже с оглядками на литературную и внелитературную традицию.

(Гаспаров 2004: 72)

Если Лотман в общеизвестном монографическом комментарии к «Евгению Онегину» едва касался языка и стиля, то Безродный уделяет этим аспектам повести самое пристальное внимание. Отчасти это связано с тем, что его комментарий, как сказано в авторском предуведомлении, ориентирован на потребности студентов, изучающих русский как иностранный. Однако по отношению к пушкинским текстам, написанным около 200 лет назад, современные русскоязычные читатели находятся в положении иностранных студентов, нуждающихся в помощи, но только обычно не осознают этого, полагаясь на свою общую языковую компетенцию и «подсказки» левого контекста. Думаю, сегодня мало кто знает, например, что пушкинских современников вряд ли шокировало намерение Германна сделаться любовником 87-летней старухи, поскольку среди значений слова «любовник», «помимо „сексуальный партнер“, были „поклонник, почитатель“ и „любимец, наперсник“» (С. 139; добавлю еще «фаворит»); или что прилагательное «умилительный» в XVIII и XIX веках имело разные значения (С. 268–269). С особым тщанием и множеством примеров Безродный объясняет игрецкий жаргон и, соответственно, правила и мифологию игры в фараон (штосс), без чего сюжет повести может быть понят только в самых общих чертах. Разумеется, они так или иначе рассматривались во многих работах, начиная со «Стиля „Пиковой дамы“» (1936) В. В. Виноградова, но я нигде не встречал настолько точных и детальных пояснений. Кстати, благодаря пристальному изучению игрецкой лексики

и стоящих за ней реалий Безродному удалось заметить одно важное отличие «сказки» о секрете трех выигранных карт от того, чего добивается Германн, — отличие, которое может существенно повлиять на интерпретацию повести. Если и графиня, и ее фаворит Чаплицкий используют секрет только для того, чтобы *отыграть* проигрыш (именно поэтому, замечает Безродный, Чаплицкий, играя в третий раз, не загнул второй угол карты, чтобы выиграть 400 тысяч, а удовольствовался выигрышем в 300 тысяч, равным проигрышу; С. 68), то Германн не видит различия между «возмещением и обогащением» (С. 220) и поэтому становится игральщиком «карточных богов».

Развивая плодотворные идеи и наблюдения П.М.Бицилли (1932: 557–560) и В.В.Виноградова о лексико-фразеологических повторах в «Пиковой Даме», Безродный мастерски показывает, как подобные повторы — прежде всего цифровые, цветовые, моторные — функционируют в сюжете: подготавливают и подсвечивают события, перебрасываются от одного персонажа к другому, создают тематические и символические переклички. Многочисленные повторы обнаруживаются и на уровне фонетики и ритмики. В конце своей первой книги «Конец цитаты» (1996), обсуждая стихи Пастернака, Безродный заметил, что поэтическая речь в них рассчитана на «артикуляционное сопереживание» (Безродный 1996: 148), и с таким же сопереживанием он вслушивается в прозу Пушкина. Ему явно импонирует процитированный в комментарии (С. 349) пассаж из давней статьи А.Л.Слонимского «О композиции „Пиковой дамы“», где говорится, что тема трех карт в повести «неизменно вызывает трехударное ритмическое движение речи, иногда переходящее в дактиль» (Слонимский 1922: 176). Сам он выявляет целый ряд метрических вкраплений, которые располагаются чаще всего в сильных местах текста и не ограничиваются дактилем. Вот графиня в рассказе о трех картах скрепляет договор с Чаплицким анапестом: «И взяла с него честное слово/впредь уже никогда не играть» (С. 68). Вот Лиза, получив записку от Германна, от волнения начинает изъясняться театральным белым ямбом: «...вперед ко мне / записок не носите а тому, / кто вас послал скажите что ему / должно быть стыдно...» (С. 176). Вот Германн успокаивает испуганную графиню шестистопным хореем: «Не пугайтесь, ради Бога, не пугайтесь» (С. 218). Вот хорей сочетается с ямбом в рассказе о появлении призрака: «В это

время кто-то с улицы / Взглянул к нему в окошко и тотчас отошел» (С. 284). Вот амфибрахий, имитирующий бой часов: «В гостиной пробило двенадцать» (С. 203) и т. п. По убеждению Безродного, метризация в «Пиковой даме» — это не стилистическая погрешность (как считали словесники-теоретики XIX в., см. С. 27–28) и не случайность (как полагал Б. В. Томашевский, см. там же), а особое изобразительное средство, мотивированное референтом соответствующей фразы или сцены. Так, например, в ямбической фразе «И Томский вышел из уборной» читатель должен «услышать чеканный шаг офицера» (С. 92). Иногда привязки метра к семантике кажутся мне лишь яркой игрой ума, но в большинстве случаев представляются убедительными.

Внетекстовый фон повести обследован Безродным не менее тщательно, чем фон языковой. Комментарий дает обстоятельные справки касательно вероятных прототипов персонажей, общей исторической (не)достоверности повествования, социально-психологических норм, регулировавших поведение и эмоции людей двух контрастно противопоставленных эпох — второй половины XVIII в., к которой относится рассказ Томского о молодости графини, и современности, когда происходит основное действие. Огромный документальный материал, привлеченный автором, помогает ему найти ответы на многие вопросы, озадачивающие современного читателя. Например, из комментария мы узнаем, каков был социальный статус военных инженеров в пушкинскую эпоху и почему инженер Германн был допущен в привилегированное общество гвардейских офицеров, в основном титулованных аристократов; какую роль играла челядь в петербургских великосветских домах; каково было положение воспитанниц; как полагалось вести себя на балах и на похоронах; как обращались с безумцами в Обуховской больнице, и т. п. Поскольку материалом для реконструкции культурно-исторического контекста, в котором воспринимали повесть ее первые читатели, послужила не только документальная, но и художественная литература, исследование внелитературного фона часто сливается с исследованием всевозможных литературных переключек и параллелей. В работах о «Пиковой даме» ранее уже были установлены ее многие возможные источники и претексты, в основном связанные с темами карточной игры и ее символики, obsessions и безумия, — одноименный роман шведского писателя К. Ливийна в немец-

ком переводе де Ламотт-Фуке, повесть немецкого писателя Г. Клаурена «Голландский еврей» (в русск. пер. «Голландский купец»), «Счастье игрока» Гофмана, «Красная гостиная» и «Шагреновая кожа» Бальзака, «Последний день приговоренного к смертной казни» Гюго и мн. др. (обзор литературы см.: Муравьева 2020: 60–64). Несмотря на это, Безродному удалось существенно расширить наши представления о литературном фоне повести, в основном за счет расширения тематического диапазона параллелей и введения в поле зрения русской переводной и оригинальной журнальной прозы 1810 – первой половины 1830-х годов. Большое количество великолепно подобранных цитат из забытых текстов он выносит в подстрочные примечания, которые из-за этого становятся важной частью всего комментария. Не случайно, думаю, в книге 1001 примечание — ведь их чтение временами не менее увлекательно, чем пресловутые сказки Шахерезады.

Из множества мелких открытий отмечу установление французского источника апофегмы, вложенной в уста Германна: «[...] я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее». Она, как выяснил Безродный, восходит к изречению французского моралиста Жана Сорэ (Jean Soret, 1710–?) «Роскошь — диковинное божество, коему жертвуют необходимым, чтоб получить излишнее» (С. 34), но к началу XIX в. уже стала мемом, приписываемым разным авторам, и, скорее всего, пришла к Пушкину через какого-то посредника. Кроме того, в тексте нашлись реминисценция «Новой Элоизы» Руссо², формула «покой и независимость» из русского перевода романа мадам Жанлис «Госпожа Мантенон» (С.141) и цитата из басни Фонвизина «Лисица-кознодей» в сцене похорон графини (С. 278; «мрачный обряд» — в басне о похоронах льва).

Как и пристало всеобъемлющему комментарию, книга Безродного не уклоняется от обсуждения темных мест текста, понимание которых так или иначе влияет на интерпретацию. В большинстве случаев читателю предлагается самому выбирать из сообщенных автором альтернатив. Так, например, комментируя замечание повествователя, что легко одетый Германн «стоял перед домом графини в одном сюртуке»,

---

2 Лиза «одета была как все, то есть как очень немногие» (С. 116). Ср.: «Pour être comme tout le monde, il faut être comme très peu de gens» (Rousseau 1818: 350).

но, несмотря на «ужасную погоду», не чувствовал «ни ветра, ни снега», автор полшутя спрашивает, как это объяснить: «романтическое клише? результат спартанского воспитания? следствие помешательства? комбинация названных причин?» (С.185–186). При этом каждое объяснение сопровождается приличествующими цитатами из художественных текстов, мемуаров и учебника психиатрии.

Ту же стратегию (но только уже всерьез) Безродный применяет по отношению к ключевым вопросам, которые не может не задавать тексту любой читатель и исследователь, пытающийся объяснить необычные события, произошедшие с Германном после смерти графини. Было ли появление ее призрака галлюцинацией Германна, или она явилась из другого мира? Была ли сообщенная (привидевшаяся? приснившаяся?) ему последовательность карт «тройка–семерка–туз» магической формулой, произвольной комбинацией, случайно совпавшей с тремя выигравшими картами, или бредом, порожденным наблюдениями за карточной игрой и подсчетом ставок? Мог ли Германн случайно вынуть из колоды неверную карту, или он стал жертвой потусторонних сил? Пушкинский текст дает достаточно аргументов в пользу той или иной версии, и Безродный их объективно представляет, не эксплицируя свое отношение к ним. При этом, правда, он несколько раз дает понять, что ему ближе рационалистические интерпретации происшедшего. Так, подмену туза дамой пик Безродный объясняет слипшимися картами из новой перетасованной колоды (С. 336), а условия, поставленные Германну графиней — не ставить в сутки более одной карты и жениться на Лизавете, — порождением его «изобретательного подсознания» (С. 292). На мой взгляд, столь однозначные истолкования вступают в конфликт с лежащим в основе повести принципом неснимаемого противоречия, о котором писал еще Достоевский:

Вы верите, что Германн действительно имел видение и именно сообразное с его мировоззрением, а между тем в конце повести, т. е., прочтя ее, вы не знаете, как решить: вышло ли это видение из природы Германна, или действительно он один из тех, которые соприкоснулись с другим миром, злых и враждебных человечеству духов. [...] Вот это искусство! (Достоевский 1988: 192)

По классификации Ц. Тодорова, «Пиковая дама» принадлежит к чистой фантастике, то есть такому типу нарратива, имплицитный читатель которого должен до самого конца «колебаться между естественным и сверхъестественным объяснением описанных событий»³. Поэтому комментатору чисто фантастической литературы нужно быть осторожным, чтобы не нарушить шаткое равновесие двух противоположных объяснений. К счастью, комментарий Безродного в целом такое равновесие сохраняет, а редкие и малозаметные подталкивания в одну сторону не нарушают общий баланс.

В конце прошлого века читательский успех принес Безродному уже упомянутый «Конец цитаты», за которым последовали еще две книги в том же неопределимом жанре и с той же мозаичной композицией, — пестрые собрания филологических наблюдений, стихов, каламбуров, афоризмов, всевозможных выписок, шуток. Несмотря на фрагментарность, в них можно было распознать единство замысла и сквозных тем, единую, слегка окрашенную иронией интонацию и, главное, единый образ автора, азартного и увлеченного своим делом ученого филолога. В некотором смысле то же можно сказать и о комментарии к «Пиковой даме», фрагментарном по определению. Это не безликий свод справок академического типа, а результат медленного перечитывания пушкинского текста увлеченным исследователем — перечитывания, которое явно доставляло удовольствие самому автору и к которому он приглашает присоединиться всех желающих.

Лет двадцать назад по российским научным конференциям и журналам прошла волна дискуссий о судьбе филологического комментария в XXI веке. Некоторые любители бега впереди паровоза уверяли тогда, что в эпоху интернета комментарий больше никому не нужен и вместе с филологией обречен на скорую гибель. По иронии судьбы, которая часто наказывает тех, кто, как Германн, слишком рано уверился в победу, в последнее десятилетие наблюдается небывалый расцвет комментарского жанра: едва ли не каждый год выходит несколько прекрасных комментированных изданий русских поэтов и прозаиков XVIII–XX вв. и монографических комментариев к целому ряду класси-

3 “[...] hésiter entre une explication naturelle et une explication surnaturelle des événements évoqués” (Todorov 1976: 37. — Перевод мой. — А. Д.)

ческих текстов, которые, к удивлению многих, пользуются немалым читательским спросом. У меня нет сомнений, что книга Безродного — подлинный шедевр комментаторского искусства — будет встречена с не меньшим интересом, чем когда-то был встречен комментарий к «Евгению Онегину» Ю. М. Лотмана, и займет самое видное место в ряду этих филологических новинок.

Александр Долинин

Литература

- Безродный, Михаил (1996): *Конец цитаты*. Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха.
- Бицилли, Петр (1932): «Заметки о Пушкине», в: *Slavia* 11, 556–560.
- Виноградов, Виктор (1980): *Избранные труды. О языке художественной прозы*. Москва: Наука.
- Гаспаров, Михаил (2004): «Ю. М. Лотман и проблемы комментирования», в: *Новое литературное обозрение* 2, 70–74.
- Достоевский, Федор (1988): «Письмо Ю. Ф. Абаза от 15 июня 1880 г.», в: Он же: *Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 30. Кн. 1*. Москва: Наука, 191–193.
- Муравьева, Ольга (2020): «Пиковая дама», в: *Пушкинская энциклопедия. Произведения. Вып. 4: П–Р*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 47–71.
- Слонимский, Александр (1922): «О композиции „Пиковой Дамы“», в: Яковлев, Николай (ред.): *Пушкинский сборник памяти профессора С. А. Венгерова. Пушкинист IV*. Москва/Петроград: Государственное издательство, 171–180.
- Чудаков, Александр (2005): «К проблеме тотального комментария „Евгения Онегина“», в: Лоцилов, Игорь / Сурат, Ирина (сост.): *Пушкинский сборник*. Москва: Три квадрата, 210–237.
- Rousseau, Jean-Jacques (1818): „La Nouvelle Heloise“ (I), in: *Oeuvres complètes de J.-J. Rousseau, Citoyen de Genève, tome V*. Paris: Imprimerie de P.-F. Dupont.
- Todorov, Tzvetan (1976): *Introduction à la littérature fantastique*. Paris: Éditions du Seuil.